

A woman with long dark hair and bangs is seated in an ornate, upholstered armchair. She is wearing a white, sleeveless, wrap-style dress and is reading an open book. The room has a classic, elegant feel with a large, paneled wooden door in the background and a patterned rug on the floor. The lighting is warm and soft, creating a cozy atmosphere.

На
перекрёстке
в
Кашкайше

Макс Ланских

Макс Ланских

На перекрёстке в Кашкайше

<https://litres.ru/74260662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одесса. Девочка по имени Джулия мечтает увидеть мир — и однажды действительно отправляется навстречу ему. Города, страны, любовь, встречи и расставания постепенно превращают детскую мечту в жизнь, полную дорог.

Но однажды, спустя много лет, Джулии придётся остановиться и решить: куда же на самом деле ведёт её дорога — домой или дальше?

Это роман о поиске места, которое человек однажды сможет назвать своим домом.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Макс Ланских

На перекрёстке в Кашкайше

Глава 1

Блок первый. ДЕТСТВО

Одесса в апреле 2000 года пахла сырым ракушняком, прошлогодней листвой и соленой пылью с запахом йода, которую ветер гнал со стороны Пересыпи. Десятилетней Джулии казалось, что город просыпается неохотно, нехотя ворочаясь в своих старых дворах, со скрипом чужих оконных рам и глухими вздохами портовых кранов на самом краю горизонта. По утрам, когда солнце еще не успевало пробить косыми лучами кроны тополей и прогреть толстые, иссеченные трещинами стены их трехэтажного дома, из подвала тянуло кошачьей мочой, плесенью и густым, кислым запахом квашеной капусты. Там, в темноте подвального коридора, баба Маня из второго подъезда держала три огромные деревянные кадушки, обвязанные посеревшей от времени марлей. Джулия знала эти кадушки: если заглянуть в отдушину, можно было разглядеть скользкие дубовые крышки и тяжелые гранитные валуны, прижимавшие капустные листья.

Каждую субботу они с дедушкой выходили из дома ровно в десять утра. Борис Петрович презирал тех, кто ломал ему расписание или позволял себе вольность поспать лишние полчаса. Бывший старший механик Черноморского пароходства, он перенес жесткие законы корабельного устава на сушу так же естественно, как перевешивают старый латунный барометр из капитанской каюты на обои в хрущевке. Джулия твердо заучила: если минутная стрелка на больших настенных часах в прихожей подползала к двенадцати, дедушка уже стоял у самой двери, застегнутый на все пуговицы, держа в руках свой серый, насквозь пропахший махоркой и флотским сукном плащ. Если в этот момент её мать, Лариса Борисовна, начинала суетиться, хлопать дверцами шкафа в поисках потерянного шарфа или кричать из ванной, перекрывая шум воды, что нужно подождать еще буквально две минуты, Борис Петрович не злился. Он не повышал голоса и не устраивал домашних сцен. Он просто молча, с тяжелым вздохом поворачивал замок, выходил на темную лестничную клетку и начинал спускаться, размеренно стуча стоптанными каблуками по бетонным ступеням. Джулия всегда успевала. Настоящая внучка стармеха, она научилась завязывать шнурки на своих ботинках за двадцать секунд, даже не глядя на пальцы, в полной темноте прихожей, пока дедушка только тянулся к дверной ручке.

В то утро солнце стояло низко, и тени от тополей ложились на асфальт Канатной длинными черными полосами. Де-

душка шел впереди, заложив руки за спину. Его широкий плащ слегка колыхался при каждом шаге, а из кармана торчал край сложенной вчетверо газеты «Моряк». Шагал он тяжело, словно под его ботинками всегда качалась палуба в штормовом океане, а не твердая одесская земля.

— Ну что, Джулька, — пробасил он, не оборачиваясь. — Куда двинем? К парку или сразу на Французский?

— Давай через Сабанский, деда, — тихо ответила она, подбегая поближе, чтобы слышать его из-за шума проезжающего мимо троллейбуса. — Там у ворот собаку рыжую привязали, помнишь? Которая хромает.

Борис Петрович хмыкнул в свои густые усы, уловившие запах табачного дыма, и повернул в прохладную тень переулка. Джулия больше всего на свете любила эти субботние переходы. Дома здесь стояли плотно, навалившись друг на друга облупившимися фасадами, с которых кусками, обнажая пористый желтый камень-ракушняк, осыпалась старая штукатурка. Под ногами хрустели эти известковые крошки. Из открытых окон первых этажей, защищенных ржавыми решетками, доносился звон фарфоровой посуды, бубнящие голоса из телевизоров и семейные перепалки. В одном окне, прямо за рамой со скрежещущими шпингалетами, женщина в синем ситцевом халате ожесточенно терла стекло скомканной газетой, и от нее пахло нашатырным спиртом так резко, что Джулия невольно сморщила нос и прижала ладонь к лицу.

— Вот, гляди сюда, — дедушка резко остановился у забора из кованого железа, за которым виднелся запущенный, заросший лебедой палисадник. Он ткнул концом своей палки в самый низ каменной кладки. — Видишь, как угол повело и трещина пошла? Это всё потому, что в девяносто шестом тут водопроводную трубу прорвало, и три дня ледяная вода прямо под фундамент текла. В ЖЭСе тогда пожадничали, цемент с песком один к пяти развели, сэкономить хотели на материале. Теперь подкопай тут на полметра — а там вместо камня труха и мокрый песок. Запомни, малая: если в самом начале поленился, пожалел сил и основы нормальной не залил, потом хоть чистым золотом стены отделывай, всё равно при первом ливне отвалится.

Джулия подошла ближе, обогнув дедушку, и осторожно потрогала холодный железный прут забора. На её ладони осталась рыжая ржавчина и кусочки черной масляной краски, которая шелушилась и лопалась от вечной сырости. Ей безумно нравилось, как дедушка говорит о вещах. Он никогда не сюсюкал с ней, не расспрашивал приторным голосом про оценки по поведению, не заставлял рассказывать стихи перед соседками во дворе и не обещал купить сахарный пестушок или мороженое, если она будет вести себя тихо. Борис Петрович общался с десятилетней внучкой так, словно она была его механиком-мотористом на грузовом судне — сухо, строго, по делу, но с тем полным, молчаливым доверием, которое не просит лишних слов.

Они прошли сквозь прохладную, пахнущую известкой арку во двор Сабанского переуллка. Собака действительно была там. Большая, лохматая, с грязной, свалявшейся в колтуны рыжей шерстью, она сидела на тонкой короткой цепи возле ржавого мусорного бака. На её задней лапе белела какая-то грязная тряпка, сквозь которую проступали засохшие бурые пятна сукровицы. Собака не лаяла и не рычала. Она просто смотрела на подошедших людей своими умными, янтарно-желтыми глазами и тяжело, прерывисто дышала, высунув наружу розовый язык.

Борис Петрович остановился, заставив Джулию замереть у себя за спиной. Он медленно засунул руку в глубокий карман плаща, пошуршал там и достал завернутую в пергамент холодную домашнюю котлету — остаток его вчерашнего ужина, который он тайно припрятал от мамы. Джулия даже рот приоткрыла от удивления: дедушка терпеть не мог, когда еду переводили зря или выкидывали, но сейчас он совершенно спокойно разломил холодную котлету пополам, обнажив белые вкрапления лука, и протянул псу прямо в пасть.

— На, держи, бродяга, — негромко сказал дедушка, косясь на порванное собачье ухо. — Лапу-то где подранил? Под трамвай попал на Белинского? Они там, ироды, носятся как сумасшедшие, путей не видят.

Собака аккуратно, стараясь не коснуться зубами дедушкиных пальцев, подхватила мясо, проглотила его почти не

жуя и слабо, виновато вильнула облезлым хвостом. Джулия инстинктивно подалась вперед и хотела протянуть руку, чтобы погладить пса по широкой голове, но дедушка жестко, на лету перехватил её за запястье. Его пальцы были сухими, мо-золистыми и жесткими, как старые деревянные прищепки.

— Не лезь, — отрезал он. — Чужая собака — это чужая душа, потемки. Ты её покормила, кусок дала — и ладно, твой долг закрыт. А руки распускать нечего. Она сейчас тебя цапнет не со зла или вредности, а просто потому, что у неё лапа горит, болит, и она в каждом двуногом врага видит. Уясни-ла?

— Уяснила, деда, — Джулия послушно отступила на шаг назад, пряча руки в карманы. Она подняла голову, щурясь на яркое солнце, которое уже всюю заливало жестяные крыши старых трёхэтажек. — Дед, а который сейчас час?

Борис Петрович выпрямился, медленно вытащил из карма-на плаща большие круглые карманные часы «Молния» на толстой стальной цепочке. Он щелкнул потертой крышкой, на которой был выгравирован силуэт глухаря.

— Половина одиннадцатого, малая. А что такое?

— А мама не будет ругаться, что мы слишком долго хо-дим?

Дедушка коротко хмыкнул в усы, пряча «Молнию» обрат-но в недра своего серого плаща.

— Лариса твоя сейчас весь гастронорм на уши поднимает, ведомости свои кассирские проверяет да с накладными во-

юет. Дома они про нас схватятся только часа через два, не раньше. Так что у нас еще вагон времени, целый состав.

— Тогда давай на старый пирс сходим, который в Отраде? — Джулия легонько потянула его за жесткий, пахнущий табаком рукав. — Там сейчас мальчишки с нашего двора бычков ловят на донку. Посмотрим?

Борис Петрович ничего не ответил, но молча повернулся лицом к морю и зашагал в сторону Французского бульвара, давая понять внучке, что новый курс принят без возражений.

Они вышли к самому краю Отрады, туда, где песчаная желтая полоса упиралась в глухую, потрескавшуюся бетонную стену волнореза. Старый пирс уходил далеко в море метров на пятьдесят. Бетон за тридцать лет штормов оброс склизкой зеленой травой и водорослями, а на стыках плит полностью выкрошился, обнажая ржавую, изъеденную солью арматуру, вокруг которой вечно кружилась и шипела мелкая пена. По краям пирса, прямо в воде, лежали огромные гранитные глыбы, намертво, без единого зазора облепленные мелкими ракушками мидий. На апрельском солнце их створки казались антрацитово-черными и блестели, словно покрытые дорогим лаком.

На самом конце пирса, усевшись на перевернутый деревянный ящик, в котором когда-то носили ракушняк, сидел худой, высохший старик в выцветшей тельняшке, надетой под расстегнутый суконный пиджак. Рядом с его ботинками

стояло ржавое жестяное ведро из-под олифы, в котором лениво копошились и шуршали три бурых бычка.

— О, Петрович! — старик повернул к ним худое, коричневое от вечного загара лицо и щербато, беззубо улыбнулся. — Какими судьбами? Я думал, ты дома сидишь, ковры до дыр веником протираешь.

— Здорово, Митрич, — Борис Петрович подошел ближе, тяжело опираясь на свою палку. — Ковры — это для слабаков да сухопутных крыс. Вот, юнгу привел море изучать. Показать ей, как настоящая портовая работа делается, а не бумажки в гастрономе перебираются.

Они крепко, по-медвежьи пожали друг другу руки. Джулия знала этого старика: Степан Митрич когда-то ходил с её дедушкой на большом сухогрузе «Капитан Вислобоков» — он был там боцманом и умел вязать такие морские узлы, которые ни один мальчишка во дворе не мог распутать даже зубами.

— Юнгу, говоришь? — Митрич окинул Джулию внимательным, прищуренным взглядом своих выцветших глаз. — Ну присаживайся рядом, малая. Ноги вниз только не свешивай, плита склизкая — соскользнешь в воду, и поминай как звали. Будем тебя сейчас корабельному ремеслу учить.

Дедушка аккуратно устроился рядом, выбрав сухой выступ. Из кармана его плаща, как оказалась, торчала не только сложенная газета, но и моток толстой капроновой лески, намотанный на грубо вырезанную деревянную дощечку-плаш-

ку. Он достал свой складной нож — тот самый, с потертой деревянной ручкой и сточенным до узкой полосы лезвием. Ловким, коротким движением огромных пальцев он разрезал пополам мелкую рыбешку.

— Бычок — рыба ленивая, Джулька, глупая, — негромко пробасил Борис Петрович, уверенно продевая ржавый крючок сквозь плотную рыбью кожу. — Он на парадные фасады и набережные не смотрит. Сидит себе на самом дне, под темным камнем, в грязной тине. Ждет, пока еда сама ему прямо в рот приплывет. Но дурака бычок тоже не любит. Если наживку криво, с суетой насадишь, крючок голым оставишь — он мясо сдернет, а сам уплывет под соседнюю плиту.

— Ты ей донку-то правильно в руку дай, Петрович, — перебил боцман, сплевывая в зеленую морскую воду темную табачную слюну. — Малая, леску вот так пальцем держи, нажимай слегка. Чувствуешь, как свинец дно потрогал, в ил зарылся? Вот. Теперь чуть натяни. Буквально на два сантиметра приподними над грунтом, чтобы зазора лишнего не было, но и слабинку ни в коем случае не давай. И слушай пальцем, всей кожей слушай. Сейчас все глаза в телевизоры штампуют, дуреют, а настоящий моряк должен рукой дно чувствовать, каждый камень.

Джулия замерла, почти перестала дышать, крепко сжав пальцами холодную леску. Вода у пирса лениво качала леску, и через палец ей передавалось ровное, мягкое натяжение волны. Старики замолчали, достали сигареты и прикурили

от одной пластмассовой зажигалки. Горький дым махорки поплыл над водой, смешиваясь с резким запахом йода и гниющих водорослей.

— А помнишь, Митрич, — негромко начал дедушка, глядя на далекий рейд, — как мы в семьдесят шестом в Марселе стояли? Там у причала кабачок был «Три пескаря» или вроде того. И деваха там работала на раздаче, Мари, кажется. Худющая, но боевая, как портовый буксир.

— Как не помнить, — хохотнул боцман, поправляя кепку. — Она еще косы носила толщиной с канат. К ней тогда местные докеры приставать начали, счет за пиво требовали пересчитать, шумели на весь бар. Ну мы с тобой и зашли с флангов. Ты тогда своим огромным кулаком так по столу приложил, что у них вся посуда посыпалась.

— Да, — Борис Петрович улыбнулся в усы. — Пацаны те марсельские сразу свой гонор поубавили. Поняли, что с моряками Черноморского пароходства шутки плохи. А Мари эта, штурман её дери, вечером нам за это выставила две бутылки настоящего кубинского рома из личных запасов. Сама с нами за стол села, сигареты наши «Прилуки» курила и смеялась так, что на соседних шаландах чайки просыпались. Хорошее было время. Честное.

Вдруг леска в руке Джулии коротко и резко дернулась. Два раза — тук, тук. Словно кто-то на глубине осторожно потянул за нитку.

— Деда, клюет? — шепотом спросила она, инстинктивно

подаваясь вперед.

— Не торопись, — Борис Петрович даже не повернул головы. — Это мелкий, хвостиком бьет, наживку пробует.

— А ну, юнга, поберегись! — прикрикнул Митрич, подаваясь вперед. — Дернет сильнее — тогда подсекай. Резко, но коротко, без суеты. Если руку далеко задерешь — леску оборвешь о камни.

Леска замерла на секунду, а потом натянулась, уходя под бетонную плиту волнореза. На этот раз удар рывок тяжелым и отчетливым. Джулия коротко дернула руку вверх, как учили старики. Леска сразу потяжелела, заходила из стороны в сторону, режа воду с тихим свистом. Джулия начала быстро, путаясь в пальцах, наматывать тонкую нитку обратно на деревянную плашку. Из зеленой глубины, из-под самого края обросшего мхом пирса, показался крупный, темно-серый бычок. Он ожесточенно бил широким хвостом, растопырив свои круглые колючие плавники и широко раскрывая огромный рот.

Через секунду рыба уже лежала на бетоне, шумно дыша и пачкая камень слизию.

— Кнут! — одобрительно хмыкнул дедушка, раздавив подошвой окурок. — Хороший, грамм на триста. Под самым камнем сидел.

— Молодец, малая, — Митрич похлопал её по плечу. — Будет из тебя толк. Запомни: в море, да и на суше, ловит тот, кто умеет ждать в тишине и слабинку вовремя убирает. Чуть

зевнул, отвлекся — и сидишь с пустыми вёдрами.

Они просидели на пирсе еще около получаса. Джулия поймала еще двух небольших бычков-кругляков. Солнце поднялось высоко, бетон нагрелся, а от моря по-прежнему тянуло прохладой. Когда деревянная плашка была полностью смотана, Борис Петрович поднялся, отряхнул полы плаща от налипшего песка и повернулся в сторону города.

— Ну ладно, Митрич. Пора нам обратный курс держать. А то Лариса точно весь гастронорм на уши поднимет.

— Давай, Петрович. Заходи, как ноги бить по бульвару пойдете. Юнге привет.

Они вышли с пирса и направились в сторону Канатной, туда, где начинались старые трамвайные пути. Джулия бережно несла в руках прозрачный полиэтиленовый пакетик со свежими бычками. Её маленькие ботинки делали два шага там, где тяжелый полуботинок дедушки делал один. Правый ботинок уже тогда слегка промокал — подошва начинала немного отходить. Но Джулии было всё равно. Она поймала первую в жизни рыбу сама, своими руками, и это чувство было куда важнее мокрого носка.

На углу Преображенской они остановились возле киоска «Союзпечать». Продавщица, тетя Люся, полная женщина с высокой фиолетовой прической, как раз выставляла на витрину свежие журналы.

— О, Петрович, здорово, — крикнула она сквозь круглое окошко, вытирая руки полотенцем. — Твой «Моряк»

еще вчера пришел, я отложила под прилавок, чтоб пацаны со швейки не утащили. Тебе как обычно?

— Давай, Люся, — дедушка протянул ей мятую бумажную купюру. — И сигарет «Прилуки» пачку. Синих.

— Опять куришь? — Люся покачала головой, но сигареты достала. — Врачи ж тебе говорили, сердце не железное. До инфаркта доиграешься, кто с малой гулять будет?

— Врачи много чего говорят, — буркнул Борис Петрович, пряча газету во внутренний карман. — Их послушать — так надо в гроб лечь и простыней накрыться, чтоб сквозняком не надуло.

Они пошли дальше. Джулия знала, что дедушка курит только на улице, потому что дома мать устроила бы скандал. Мать, Лариса Борисовна, работала кассиром в центральном гастрономе и маниакально следила за чистотой. В их квартире всё должно было лежать на своих местах: салфетки свернуты треугольниками, обувь выстроена по линейке в прихожей, а из кухни не должно было пахнуть ничем, кроме ванильного пирога или дорогого чистящего средства. Если дедушка приносил на подошвах хоть немного прибрежного песка, мать вздыхала так тяжело, словно на неё обрушилось всё несчастье мира, и тут же хваталась за швабру. Джулия часто думала, что дедушка уходит на эти субботние прогулки просто для того, чтобы побыть в месте, где не нужно постоянно вытирать ноги и извиняться за то, что ты существуешь.

Они миновали Преображенскую и вышли к Итальянско-

му бульвару. Здесь трамвайные рельсы делали крутую петлю, уходя в сторону вокзала, и воздух сразу менялся — к привычной морской сырости подмешался запах чебуреков, которые жарили в палатке у кольца, и едкий дымок от дизельных автобусов. Палатка была ржавой, облепленной синими наклейками «Пепси», а масло в огромном чане шкворчало так громко, что его было слышно за тридцать метров.

Борис Петрович остановился у старого тополя. Его кора была серой, глубоко растрескавшейся, а из корней, пробивших асфальт, сочилась темная липкая смола. Дедушка достал пачку сигарет, ловко щелкнул ногтем по доньшку, выбивая одну, и прикурил от дешевой пластмассовой зажигалки. Он затянулся глубоко, прикрыв глаза, и дым медленно поплыл к веткам, где только-только проклевывались первые, еще липкие зеленые листья.

— Деда, а почему бульвар Итальянский? — спросила Джулия, усаживаясь на невысокий бетонный парапет, отделявший тротуар от трамвайных путей. Парапет был холодным и шершавым, сквозь цементные трещины проросла сухая прошлогодняя трава, коловшая ей ладони. — Тут разве итальянцы жили? Прямо настоящие, из Рима?

Борис Петрович выпустил струю дыма через нос и посмотрел на вокзальную площадь, где лениво переругивались водители маршруток.

— Жили, малая. Давно, еще при царе, — он переступил с ноги на ногу, и подошва его тяжелого ботинка с хрустом

раздавила сухую ветку. — Город строить все съезжались, у кого голова на плечах была и руки не из задницы росли. Итальянцы из своего ракушняка дома возводили, французы бульвары разбивали, греки контрабандой и зерном торговали. Одесса, Джулька, она ведь как портовый котел — сюда со всего мира стекалось человеческое варево. Каждый свой кусок бросал: кто язык свой, кто привычки, кто рецепты. Оттого мы сейчас и говорим не так, как в Киеве или Москве. У нас слова соленые, портовые.

Мимо с грохотом пронесся старый красный трамвай пятого маршрута. Вагон так сильно качнуло на стыке рельсов, что внутри жалобно звякнули стекла, а колеса издали пронзительный, режущий уши металлический скрежет. Джулия инстинктивно зажала уши ладонями. Борис Петрович даже не поморщился. Он проводил вагон взглядом, зафиксировав на секунду лицо вагоновожатой — усталой женщины в синем форменном жилете, которая ожесточенно крутила железное колесо тормоза.

Они пошли дальше, мимо старых стен чугунолитейного завода Дурьяна. Кирпичная кладка здесь была закопчена вековой индустриальной сажей, а из полукруглых оконных проемов, затянутых потемневшей проволоочной сеткой, тянуло тяжелым, маслянистым запахом машинного масла и горелой металлической стружки. Из открытых створчатых ворот цеха доносился размеренный стук гидравлического пресса — тух-тух-тух, от которого слабая ритмичная vibra-

ция передавалась через брусчатку прямо в подошвы ботинок.

Джулии нравился этот утробный гул. Ей казалось, что город под её ногами — это огромная, сложная машина, у которой под слоем асфальта непрерывно вращаются невидимые шестеренки, бегут по трубам скрытые потоки воды и бьется свое собственное, железное сердце.

Они наконец свернули на Французский бульвар, и обстановка вокруг них мгновенно изменилась. Шум вокзальной площади, автобусная гарь и крики зазывал у чебуречных палаток остались позади, словно их аккуратно отрезало невидимой стеной. Дорогу плотным сводом закрывал навес из старых вековых деревьев — ветви гигантских платанов и раскидистых каштанов переплетались высоко над головой, образуя прохладный зеленый тоннель. Солнечные лучи пробивались сквозь молодую листву редкими, яркими пятнами, которые дрожали и переливались на брусчатке.

Сама мостовая здесь была особенной — крупная, грубо вытесанная из темного вулканического камня, который дедушка уважительно называл триентским базальтом. По краям дороги тянулись глубокие гранитные сточные канавы. В них журчала весенняя талая вода, унося с собой мелкие веточки, почки каштанов и обрывки конфетных оберток. По этой мостовой машины ехали со странным, шуршащим звуком, совсем не похожим на асфальтовый гул Канатной улицы.

— Деда, смотри, — Джулия остановилась возле массивных деревянных ворот старинной заброшенной дачи. На петлях висел ржавый замок, а темно-зеленая краска на дубовых досках потрескалась и сошла слоями, обнажая потемневшее, изъеденное жучками дерево. — А тут кто жил?

Борис Петрович подошел к воротам, заложил руки за спину и наклонился, рассматривая кованые петли, вбитые прямо в ракушняковые столбы. Столбы от времени и морской сырости пожелтели, обросли сухим зеленым мхом и крошились, если по ним слегка ударить молотком. У подножия стены лежала небольшая куча мелкого песка — старый город медленно, незаметно осыпался сам в себя.

— Купцы тут жили, виноделы знатные, — негромко сказал дедушка, ковыряя концом дубовой палки трещину в ракушняке. — Думаешь, просто так этот бульвар Французским назвали? Раньше он Малофонтанской дорогой был, пылища тут стояла несусветная. А потом наш городской голова, француз Григорий Маразли, порядок навел, брусчатку эту из Италии выписал, деревья посадил. И дачи здесь строились такие, чтоб из каждого окна море было видно. Люди толк в жизни знали, простор любили. Не то что сейчас — наставят коробок из силикатного кирпича, окна в окна, и сидят там, как куры на птицефабрике в инкубаторе.

Он вытащил из кармана большой клетчатый платок, шумно высморкался и повернулся лицом к морю, откуда уже отчетливо тянуло соленой прохладой. Дорога вела плавно

вниз, мимо санаторных заборов в сторону пляжа Отрада.

— Пойдем к воде, Джулька. Воздухом настоящим подышишь, а то дома от материнских духов и хлорки скоро дышать нечем будет. Она баба хорошая, работающая, но дура — думает, если всю квартиру санитарным порошком засыпать и скатерти накрахмалить, так и жизнь чище станет. А жизнь — она грязная, малая. В ней и мазут портовый есть, и пот рабочий, и соль морская горькая. Если от всего этого нос воротить да глаза прятать, так лучше сразу в герметичную стеклянную банку залезть, спиртом залиться и крышкой закататься.

Они начали спускаться по длинной, потемневшей от времени деревянной лестнице, ведущей к самому подножию обрыва. Ступени были старыми, изрезанными зимними шторами, многие доски подгнили и жалобно поскрипывали под весом дедушки. С каждым шагом вниз запахи суши — цветущих абрикосов, пыли и бензина — отступали, растворяясь в воздухе. На смену им шел другой, плотный запах открытой соленой воды, гниющих на солнце бурых водорослей и мокрого песка.

На пляже в этот час было почти пусто. Несколько пожилых мужчин в синих спортивных костюмах сидели на деревянных топчанах у самой кромки воды, подставив бледные лица скупому апрельскому солнцу. Чуть в стороне парень в высоких резиновых сапогах лениво бросал в воду обглоданную палку, а его черная овчарка с хриплым лаем прыгала

прямо в пенистую полосу прибоя, поднимая тучи холодных брызг.

Борис Петрович дошел до большого, плоского валуна, лежавшего у самой кромки воды. Камень был наполовину покрыт мелкими, острыми ракушками мидий, которые намертво въелись в его шероховатую поверхность. Дедушка медленно сел, со вздохом расстегнул верхнюю пуговицу своего плаща и достал из кармана складной нож с потертой деревянной ручкой и два больших желтых яблока, которые он утром тайно взял из хрустальной вазы в прихожей.

— На, держи, — он протянул одно яблоко Джулии.

Джулия послушно села рядом, поджав под себя ноги. Ей нравилось сидеть так близко к воде, где никто не контролировал её. Волны накатывали на берег лениво, с мягким, шуршащим звуком — ш-ш-шу, а затем вода с тихим шипением уходила назад, оставляя на песке кружевную белую пену, которая быстро лопалась под солнцем и исчезала.

Борис Петрович открыл нож. Лезвие было старым, сточенным до узкой, острой полоски, но резало идеально — дедушка правил его каждую неделю на специальном оселке, который держал в деревянном ящике с инструментами под ванной. Он начал аккуратно срезать кожуру со своего яблока, ведя лезвие по кругу так, чтобы лента не рвалась. Джулия завроженно смотрела на его огромные пальцы. Руки дедушки были с толстыми суставами и вечной черной каймой под ногтями — мазут из машинных отделений грузовых судов,

на которых он проплавал тридцать лет, казалось, вьелся прямо в его кожу намертво, и никакое мыло его уже не брало.

— Вот ты смотришь на море, Джулька, — негромко начал он, протягивая ей дольку яблока на кончике ножа. — И думаешь, что оно везде одинаковое. Вода и вода, синяя да соленая. А я тебе скажу — нет. В каждом порту мира вода своего цвета. В Генуе она густая, темно-зеленая, как оливковое масло из бочки, и пахнет старыми деревянными доками. В Суэцком канале — мутная, желтая от пустынного песка, судно в ней как в киселе идет, винты крутятся тяжело, машина греется. А у нас, в Одессе, вода легкая, пресная из-за Днестра и Дуная, но капризная, с характером. Чуть северный ветер с берега дунул — всю теплую воду в открытое море унесло, а снизу ледяная поднялась, прозрачная как стекло. Завтра придешь — а купаться нельзя, ноги сводит. Так и в жизни: фасад вроде теплый, а внутри — лед.

Джулия взяла кусочек яблока прямо с лезвия ножа. Оно было кислым, твердым и слегка пахло махоркой от дедушкиных пальцев. Она медленно жевала, глядя на далекий темный силуэт сухогруза, который застыл на внешнем рейде возле самой линии горизонта. Из его тонкой наклонной трубы поднимался едва заметный черный дымок, который тут же растворялся в блекло-синем небе.

— Деда, а ты по морю скучаешь? — спросила она, вытирая ладонью подбородок, по которому потек липкий сок. — Ну, когда дома сидишь, радио слушаешь или телевизор

смотришь?

Борис Петрович замолчал. Он отрезал еще одну дольку, отправил её в рот и долго жевал, не отрывая взгляда от набегающих волн. Его лицо, покрытое сеткой глубоких морщин от постоянного солнца и соленого ветра, казалось сейчас высеченным из того же серого гранита, что и валун, на котором они сидели.

— Скучать — это пустая работа, Джули, — сухо ответил он. — Человек должен быть там, где его дело. Мое дело кончилось в девяносто пятом, когда списали по возрасту. Всё, винты назад не завертишь, балласт слит. Теперь твое время пришло город изучать. Земля под ногами — она вроде как надежнее океана, но обмануть может гораздо быстрее. В море всё честно: если шторм — так шторм, если мель — так мель, на карте всё чернилами прописано. А на суше люди карты сами рисуют, и каждый норовит соврать в свою пользу. Ты вот вырастешь, поедешь куда-то, штампов в паспорт наставишь... Помни одно: город надо принимать с изнанки, со всей его грязью и трещинами. Если будешь только на парадные фасады смотреть — грош тебе цена как человеку.

Он закрыл нож. Стальное лезвие щелкнуло сухо и резко — клац. Дедушка поднялся, отряхнул полы серого плаща от налипшего песка и посмотрел в сторону деревянной лестницы. Солнце уже перевалило за полдень, и тени от глинистого обрыва начали медленно наползать на песчаную полосу пляжа, съедая последнее тепло.

— Ладно, малая. Пора обратный курс держать, а то Лариса уже, небось, весь гастроном на уши подняла. Думает, что мы в порту под кран попали или в море уплыли.

Они поднимались обратно по крутым маршам. С каждым шагом наверх соленый запах водорослей становился слабее, уступая место сухому аромату нагретой солнцем травы и смолы прибрежных сосен. Борис Петрович шел впереди, тяжело опираясь рукой на деревянные перила, которые ходили ходуном при каждом шаге. На середине подъема он остановился, достал из кармана другой платок и шумно вытер шею, тяжело, со свистом отдуваясь.

— Старею, Джулька, — проворчал он, не оборачиваясь. — Раньше в машину на тридцать метров вниз по стальному трапу в шторм летал и назад с тяжелым ключом в руках поднимался, даже сердце не екало. А теперь вот, косогор несчастный — и уже одышка. Курить надо бросать, да толку теперь.

Джулия ждала его на две ступени ниже. Она смотрела на его широкую, чуть сутулую спину и думала, что дедушка не может постареть. Он казался ей таким же постоянным, прочным и надежным, как портовый маяк или старая подпорная стена Французского бульвара.

Когда они вернулись на мостовую, город уже окончательно прогрелся. Воздух стал плотным, в нем пахло бензиновой гарью от редких проезжающих «Жигулей», пылью и сладким, липким соком цветущих каштанов. По брусчатке мед-

ленно катился поливочный грузовик, из боковых труб которого веером била мутная вода, со свистом смывая к краям дороги мелкий сор и прошлогодние сухие листья. После него камни базальта становились темными, почти черными и блестели на солнце, как лакированные. Джулия умышленно наступала в мелкие лужи, оставляя за собой цепочку темных отпечатков от своих ботинок.

К дому на Канатной они подошли ровно в половине третьего.

Двор-колодец встретил их привычным субботним шумом. На натянутых между окнами первого и второго этажей веревках сушилось белье — огромные пододеяльники, махровые полотенца и мужские кальсоны лениво колыхались от слабого сквозняка, который кружил между стенами. Из подвала доносился монотонный стук: дядя Миша, сосед из угловой квартиры, ожесточенно рубил старым топором дрова для титана, и этот сухой звук — хак-хак-хак — эхом отбивался от стен ракушняка.

У самого входа в подъезд, на деревянной скамейке с облупившейся краской, сидела баба Маня. На ней был неизменный байковый халат в мелкий цветочек и шерстяной платок, несмотря на теплую погоду. Перед ней на асфальте стояло эмалированное ведро, полное мелкой свежей тюльки. Женщина ловко, одним движением большого пальца, отрывала рыбкам головы, потрошила их и бросала чистые тушки в глубокую алюминиевую миску, стоявшую у неё на коленях. Во-

круг скамейки уже крутились три дворовых кота, которые жадно следили за каждым её движением и изредка хрипло мяукали.

— О, Петрович пришел, — баба Маня вытерла испачканную в чешуе руку о подол халата. — Где это вы до сих пор шляетесь? Лариса уже три раза из окна выглядывала, кричала, что обед остыл. Борщ сварила со свежими бычками, пахнет на весь подъезд.

Борис Петрович остановился, заложив руки за спину, и посмотрел в ведро:

— Хороша тюлька, Маня. Откуда? С Привоза?

— Да какое там с Привоза, — махнула рукой соседка. — Степка, племян мой, утром на мотоцикле привез, прямо с шаланды взял. Свежая, еще морем пахнет. Тебе Лариса не давала банку? Она вроде пожарить хотела.

— Лариса скорее меня самого сейчас жарить начнет, — буркнул дедушка. — Пошли, Джулька.

Они вошли в темную, прохладную глубину подъезда. Здесь всегда пахло одинаково — застарелой сыростью из подвальных окон, осыпавшейся известкой и жареным на сале луком, который тянулся из полуоткрытых дверей первого этажа. Полы в подъезде были выложены старой, еще дореволюционной метлахской плиткой — серо-желтые квадраты местами стерлись до дыр, а в углах скопилась мелкая вековая пыль, которую не брала ни одна метла технички. Лестница была крутой, с массивными дубовыми перилами, которые за

долгие годы были отполированы тысячами ладоней до жирного, зеркального блеска.

Их квартира находилась на втором этаже. Борис Петрович достал из кармана плаща связку ключей, которая громко, с металлическим перезвоном звякнула в тишине лестничной клетки. Едва ключ повернулся в замке два раза и тяжелая железная дверь со скрипом приоткрылась, Джулия инстинктивно подобралась, втянув голову в плечи.

В прихожей всё было совсем иначе, чем на улице или во дворе. Здесь царил тот самый образцовый, выложенный порядком, который упрямо, вопреки вечной нехватке денег и задержкам зарплаты, выстраивала её мать. Воздух в квартире был стерильным, вычищенным до звона. В нем остро, до рези в глазах пахло лавандовым освежителем и дорогим польским воском для мебели, которым мать каждую неделю до ломоты в руках натирала большой дубовый буфет. На полу лежал чистый бежевый ковер с длинным, мягким ворсом, на который категорически, под страхом смертной казни запрещалось ступать в уличной обуви. Из кухни доносился мерный, до боли знакомый стук ножа о деревянную доску и тихое, сытое шипение закипающего кастрюльного бульона.

— Явились наконец-то, — из кухни вышла Лариса Борисовна.

На ней был чистый фартук в мелкую синюю клетку, волосы аккуратно собраны в высокий узел на затылке, а на лице блуждала та самая усталая, натянутая улыбка, с которой она

обычно стояла за кассой в гастрономе. Она быстро, профессионально окинула взглядом их ботинки. Джулия сразу заметила, как мать едва заметно поморщилась, увидав темный мокрый след от поливочной машины на подошве её коричневого ботинка.

— Папа, ну сколько можно просить? — Лариса Борисовна вздохнула, забирая у бабушки его плащ. — Время три часа, обед давно готов, всё остыло. Я же просила к двум вернуться. И от тебя опять пахнет этой жуткой махоркой. Сколько раз говорить — не кури при ребенке. У Джулии в понедельник контрольная по математике, ей заниматься надо, а вы полдня неизвестно где ходите.

Борис Петрович ничего не ответил. Он молча разулся, аккуратно поставил свои полуботинки на специальный резиновый коврик у самой двери — ровно по линейке, как требовала мать — и прошел в ванную мыть руки. Джулия последовала за ним.

В ванной комнате всё тоже блестело. Кафель был белым, без единого потека или мыльного следа, а стальной кран сиял от полировки так, что в нем отражалось искаженное лицо Джулии с огромным круглым носом. Дедушка открыл холодную воду. Напор был слабым, вода шла с легким ржавым оттенком и пахла хлоркой. Борис Петрович густо намылил руки куском коричневого хозяйственного мыла, которое он тайно держал за трубой под раковиной — мать этот запах презирала и покупала только розовое «Дуру» со сладким

ароматом земляники.

— Ну вот тебе и правила, малая, — тихо, сквозь шум воды, пробасил дедушка, смывая густую пену. — Дома у нас как в армии. Сюда не ходи, там не кури, обувь ставь прямо. Мать твоя думает, что если в комнатах ни одной пылинки не останется, так и в жизни всё ровно пойдет. А жизнь — она как та балка на заводе Дурьяна, её от сырости всё равно поведет, как ни крась. Ладно, пойдем уже, а то Лариса сейчас вторую серию начнет.

Они прошли в большую комнату, которую в семье гордо называли гостиной. В центре стоял круглый стол, накрытый накрахмаленной белой скатертью. По углам скатерти были вышиты мелкие розовые цветы — мать потратила на эту вышивку два месяца долгих зимних вечеров. На столе уже стояли три глубокие тарелки из чехословацкого сервиза с золотой каемкой, а рядом лежали начищенные до блеска алюминиевые ложки. Посреди стола высилась супница, из-под крышки которой поднимался густой, жирный пар с плотным запахом укропа, чеснока и жареных бычков.

Обед проходил в абсолютном молчании. В этой квартире вообще редко разговаривали громко, словно боялись потревожить хрупкую тишину. Отец Джулии, Игорь Николаевич, работал мелким бухгалтером на джутовой фабрике и возвращался домой поздно, вечно усталый, со следами черной туши на пальцах. Сейчас его не было — у него была субботняя переучетная смена. Джулия медленно жевала, глядя, как

мать методично, мелкими движениями собирает на бумажную салфетку крошки хлеба, если они случайно падали на скатерть.

— Джулия, ты после обеда сядешь за учебник, — Лариса Борисовна отложила приборы и посмотрела на дочь своим строгим, кассирским взглядом. — Тетя Лена из четвертого подъезда говорила, что их Вовка уже все задачи на дробь прошел. А ты у меня опять на тройки скатишься. Мне в гастрономе стыдно людям в глаза смотреть, когда спрашивают про твои успехи.

Джулия послушно кивнула, хотя внутри у неё всё сжалось от этого тона. Ей не хотелось решать задачи про бассейны, в которые по одной трубе вода втекает, а по другой вытекает. Ей хотелось обратно на Французский бульвар, к тем ржавым воротам купцов, к бродячей собаке с грязной тряпкой на лапе и к дедушкиным рассказам про воду в порту Генуи, которая пахнет оливковым маслом. Но здесь, на Канатной, правила были другими. Здесь требовалось соответствовать чужим ожиданиям и поддерживать фасад идеальной, правильной семьи.

Джулия ушла в свою комнату сразу после того, как помогла матери убрать тарелки со стола. Её комната была маленькой, со скошенным углом и узким окном, которое выходило в самый центр двора-колодца. Мать и здесь навела свой идеальный, стерильный порядок: на полках стояли ровные ряды детских книг, аккуратно обернутых в плотную обой-

ную бумагу, на кровати лежал темно-коричневый байковый плед, натянутый так ровно, что на нем не было ни одной лишней складки. На письменном столе стояла лампа с зеленым пластиковым абажуром и лежали две школьные тетради по математике в зеленых обложках. Она села за стол, открыла учебник и уставилась на страницу. Тема была сложной — сложение и вычитание дробей с разными знаменателями. Текст казался сухим, безжизненным и пугающим. «Две бригады портовых рабочих разгружали сухогруз. Первая бригада разгрузила пять двенадцатых от всего объема груза, а вторая — три восьмых...» Джулия смотрела на эти бездушные цифры, и они никак не хотели складываться в её голове в понятную картинку. Математика оставалась бездушными значениями на типографской шероховатой бумаге.

За окном послышался знакомый скрип старой балконной двери. Это дедушка вышел на свой привычный пост — крошечный открытый балкончик, который выходил во двор. Борис Петрович стоял там, опершись локтями на слегка ржавые железные перила, и смотрел вниз, на бельевые веревки и дворовых котов. Джулия слышала, как он сухо чиркнул зажигалкой, и через минуту в приоткрытую форточку её комнаты потянуло знакомым, горьким дымом махорки. Мать на кухне ожесточенно загремела кастрюлями — это был её безмолвный протест против дедушкиного курения.

Дверь в комнату Джулии тихо приоткрылась, почти без скрипа — Борис Петрович лично смазал петли машинным

маслом еще прошлым летом. Дедушка вошел, держа в руках старую деревянную линейку и карандаш с обкусанным концом. Он молча придвинул к её столу табурет, на котором обычно стоял таз во время генеральной уборки, и сел рядом. От него пахло табаком и свежим морским ветром, который они недавно принесли с Отрады.

— Ну что, юнга, застряла на мели? — тихо, чтобы не услышала Лариса на кухне, пробасил он. — Покажи, что тут у тебя за ребусы.

Джулия ткнула пальцем в учебник:

— Про рабочих и сухогруз, деда. Не понимаю, как эти знаменатели сложить. Тут восемь, а тут двенадцать. Они же разные.

Борис Петрович хмыкнул, взял её тетрадь и перевернул страницу на чистый лист. Его огромный палец с черной каймой под ногтем лег прямо на белую бумагу.

— Дроби — это тебе не высшая математика, Джулька, — негромко сказал он. — Это просто закон дележки. Вот представь себе трюм нашего сухогруза «Капитан Вислобоков». Нам привезли зерно из Канады. Всего в трюм влезает двадцать четыре тонны — это наш общий объем, поняла? Общий знаменатель, если по-вашему, по-школьному. Почему двадцать четыре? Потому что и на восемь делится, и на двенадцать.

Он быстро набросал карандашом на бумаге продолговатый прямоугольник, разделил его на несколько отсеков и по-

ставил цифры.

— Вот первая бригада, одесские пацаны. Они разгрузили пять двенадцатых трюма. Если весь трюм — двадцать четыре тонны, делим его на двенадцать частей, получаем, что каждая часть — это две тонны. А они взяли пять таких частей. Сколько тонн они подняли?

— Десять, — кивнула Джулия.

— Правильно. А вторые — николаевские, разгрузили три восьмых трюма. Делим наши двадцать четыре тонны на восемь частей — получаем три тонны в одной части. Они взяли три части. Сколько это в тоннах?

— Девять.

— Вот теперь складывай свои десять и девять. Сколько выйдет?

— Девятнадцать, — тихо ответила Джулия, чувствуя, как сухие цифры в тетради вдруг обрели вес, запах портового мазута и грохот кранов.

— Вот именно, — дедушка одобрительно похлопал её по плечу ладонью. — Девятнадцать двадцать четвертых они из трюма выгребли. Математика, малая, она ведь на суше скучная, потому что вы её в тетрадах хороните. А на судне от этой математики жизнь зависит. Ошибся на одну десятую в расчете топлива — и застрял посреди Индийского океана без хода, с пустыми танками. Сидишь тогда и чаек ловишь, пока спасатель не придет и три шкуры с пароходства не сдерет.

В коридоре раздался уверенный шаг Ларисы Борисовны.

Дедушка тут же выпрямился, спрятал карандаш в карман плаща и сменил интонацию на строгую, профессорскую:

— Вот так, Джулия. Повтори правила на странице сорок два и проверь примеры. Порядок должен быть во всем.

Мать вошла в комнату, держа в руках чистое, выглаженное полотенце. Она посмотрела на Бориса Петровича с легким подозрением, уловив остатки табачного дыма, который все еще кружился под зеленым абажуром лампы.

— Папа, ты ей помогаешь или просто отвлекаешь от процесса? — спросила она, складывая полотенце пополам. — Ей самой нужно думать. В понедельник на контрольной тебя рядом не будет.

— Я не помогаю, Лариса, — сухо ответил дедушка, поднимаясь с табурета. — Я просто направляю. У твоей дочери в голове пока ветер гуляет, но балласт мы заложили. Дальше сама пойдет.

Он вышел из комнаты, тяжело шаркая домашними тапками по чистому ковру. Лариса Борисовна вздохнула, подошла к окну и закрыла форточку, полностью отрезав комнату от дворовых звуков, запаха тюльки бабы Мани и стука топора дяди Миши.

— Опять сквозняк напустили, — проворчала она, поправляя шторку на окне. — Джулия, пиши аккуратно. Не разводи грязь в тетради. Учительница всегда смотрит на то, как оформлена работа. Если на полях будут кляксы, даже за правильный ответ пять не поставят.

Мать ушла, и в комнате снова воцарилась та самая стерильная тишина. Джулия взяла ручку и начала аккуратно, стараясь не дышать, выводить цифры в тетради: « $10/24 + 9/24 = 19/24$ ». Её рука двигалась механически, но мысли были далеко отсюда.

К шести часам вечера двор-колодец на Канатной окончательно затих. Дядя Миша унес топор в подвал, а субботнее солнце ушло за крыши противоположных домов, наполнив узкую комнату Джулии длинными тенями. Из кухни тянуло запахом горячего железа и сухого хлопка — Лариса Борисовна закончила гладить белье. Этот запах означал, что субботний ритуал очищения пространства близится к финалу. Скоро должен был вернуться отец.

Игорь Николаевич пришел ровно в шесть. Он двигался совсем иначе, чем дедушка. Если под Борисом Петровичем пол всегда жалобно поскрипывал, словно признавая его портовый вес, то отец заходил в квартиру бесшумно, как тень. Он был худым, невысоким мужчиной в поношенном коричневом костюме, на рукавах которого возле локтей ткань вытерлась до жирного блеска. В руках он держал старый кожаный портфель с выцветшей латунной защелкой. От отца всегда пахло одинаково — кислой бумажной пылью, фиолетовой тушью для штампов и дешевым табаком «Полёт».

В прихожей сразу начался привычный, заученный годами диалог. Лариса Борисовна вышла встречать мужа, держа в руках мягкие домашние тапочки.

— Ну что там на фабрике, Игорь? — спросила она, забирая у него портфель и аккуратно вешая его на нижний крючок вешалки. — Опять переучет? Ведомости сошлись?

— Не сошлись, Лара, не сошлись, — тихо ответил отец, устало массируя пальцами переносицу, где от очков осталась глубокая красная вмятина. — На третьем складе огромная недостача по джутовому шпагату. Тридцать бобин где-то потеряли, концы в воду. Директор кричал, топал ногами, грозился лишить квартальной премии весь наш плановый отдел и бухгалтерию. Пришлось три раза пересчитывать балансовые остатки, но цифры упорно не бьются. Голова раскалывается.

Джулия приоткрыла дверь своей комнаты и смотрела на них сквозь узкую щель. Ей казалось, что её родители — это две шестеренки в часах, которые крутятся по одному и тому же кругу каждый день. Но сейчас мамин фасад безупречности дал первую ощутимую трещину. Лариса Борисовна застыла, её натянутая улыбка кассира мгновенно исчезла, уступив место растерянному испугу. Без премии отца их хрупкий бюджет, который она с такой яростью распределяла до копейки, просто разваливался.

За ужином вся семья снова собралась за круглым столом в гостиной. Борис Петрович сидел молча, уставившись в свою тарелку. Он ел медленно, аккуратно разламывая хлеб на мелкие кусочки, чтобы не крошить на чистую белую скатерть. Отец лениво ковырял ложкой остывший суп, изредка погля-

дывая на настенные часы.

— Джулия сегодня дробы проходила, — нарушила тишину Лариса Борисовна, её голос был натянутым, как струна. Она налила мужу компот из сушеных яблок, но рука её слегка дрогнула. — Отец опять лез со своими портовыми рассказами. Объяснял ребенку математику через канадское зерно и трюмы. Я боюсь, она завтра на контрольной так и напишет про сухогрузы вместо нормального ответа. А у нас и так... проблемы.

Игорь Николаевич поднял глаза на тестя, но взгляд его был не строгим, а скорее просящим, измотанным:

— Борис Петрович, ну правда. У девочки школьная программа, государственные стандарты. Ей нужно учиться так, как в учебнике написано. Зачем вы ей голову забиваете этой своей спецификой? Время сейчас другое, пароходство вон развалилось почти, половину судов в утиль сдали или грекам продали. Джулии на суше жить надо, в офисе, где компьютеры и отчеты. Ей эта ваша Генуя ни к чему.

Дедушка отложил ложку, выпрямил свою широкую спину и посмотрел на зятя. В его серых глаза на секунду вспыхнул тот самый капитанский огонь, от которого когда-то трепетали машинные команды в тропических широтах.

— Офис, говоришь? — негромко, но веско пробасил Борис Петрович. — Компьютеры? Схемы? Ты вот, Игорь, всю жизнь в своих ведомостях сидишь, циферки с места на место переписываешь, джут свой несчастный считаешь. А за

фасадом своим дальше Канатной улицы ничего не видишь. Компьютер — это просто железка, коробка безмозглая. Если у человека внутри фундамента нет, если он мир вокруг себя кожей не чувствует и трещины на стенах замечать не умеет, его любая компьютерная схема при первом же шторме за борт выкинет. Я малую учу главному — автономии. Чтобы она сама думать умела, а не по вашим бумажным рельсам катилась. А джут твой украли те, кто ваши инструкции лучше тебя знает.

Игорь Николаевич поморщился и с хрустом перелистнул листок в толстой тетради в клетку.

— Игорь, ну отложи ты свои накладные, ради бога, — Лариса Борисовна резко звякнула половником о край супницы, будто это могло привести мужа в чувство. — Ешь, пока горячее.

Тот даже головы не поднял. Он только сильнее прижал пальцем страницу, на которой ровными столбиками были записаны цифры: «Шпагат джутовый, бобины, сорт 2».

— Не могу я отложить, Лара, — глухо, не снимая очков в дешевой роговой оправе, пробормотал он. — У меня на складе опять чертовщина творится. По отчетам из министерства нам три тонны сырья из Индии везут, конопляную пеньку для канатов. А по факту на станции Одесса-Товарная стоит один полупустой вагон, да и в том половина бобин от сырости сгнила, мочалка одна осталась. Директор орет, требует план гнать, швейный цех простаивает, девки без премии си-

дят. А где я ему этот джут рожу? Из пальца высосу? Нам кругом бумаг наподписывали, регламентов этих чертовых прислали целую папку, а работать нечем. На фабрике ни метра живой нитки не осталось, одни отчеты красивые.

Борис Петрович, который в это время аккуратно, пофлотски складывал свое тканевое полотенце вчетверо, тяжело посмотрел на зятя из-под седых кустистых бровей. Он медленно сел на свой деревянный стул, который жалобно звякнул старыми шурупами под его весом, и положил огромные, мозолистые ладони на клеенку.

— Ты мне вот что скажи, Игорь, — пробасил дедушка, и на кухне сразу стало тихо, только масло на сковороде продолжало шкворчать. — Ты чего скулишь каждый день как побитый пес? Бумаги ему прислали... Директор наорал... Да грош цена твоим бумагам, если у тебя в трюме пусто. Вы там на своей фабрике привыкли штаны протирать да из пустого в порожнее переливать. В министерствах ваших сидят суслики кабинетные, которые живого каната в руках не держали, только ручками шариковыми щелкать умеют. Настоящее дело — оно не на рельсах из промокашки держится. Если у тебя шторм, если у тебя судно на мель несет, ты не в контору звонишь и не циркуляры перечитываешь. Ты берешь людей, идешь на бак и своими руками рванный трос связываешь. Зубами его грызешь, если надо, но дыру закрываешь. А ты сидишь, цифры свои дутые пересчитываешь. Тьфу, канцелярия!

Игорь Николаевич резко вскинул голову, его бледные щеки пошли красными пятнами, а дужки очков сместились набок. Он с размаху захлопнул амбарную книгу, так что по кухне полетела мелкая пыль от старой бумаги.

— Папа, ну не начинай свои морские сказки! — сорвался Игорь на тонкий, почти фальцетный крик. — Сейчас не твой шестьдесят пятый год и не твой пароход! Сейчас всё по-другому работает! Если я сегодня этот вагон без акта приемки на баланс возьму, ко мне завтра из прокуратуры придут и под белы ручки увезут за недостачу. Ты думаешь, легко сейчас? Да у нас пол-Одессы на рынках трусами торгует, инженеры с заводов на Привозе с картошкой стоят! Я хоть как-то этот завод держу, чтоб нам вообще было на что хлеб купить и Джулии ботинки новые взять! Твоя флотская гордость сыта не будет, когда нам свет за неуплату отрежут!

— Игорь! Папа! Ну замолчите вы оба! Давайте хотя бы за ужином без этих ваших лекций. Папа, ты уже отплавал свое, сиди спокойно. Игорь, ешь борщ, пока не остыл! — Лариса Борисовна в сердцах бросила на стол большую алюминиевую поварешку, которая со звоном покатилась мимо тарелок. Глаза её лихорадочно блестели от подступающих слез. — Каждую субботу одно и то же! Просто сумасшедший дом! Малая сидит, всё это слушает! Джулия, быстро доедай и иди к себе в комнату повторять таблицу умножения!

Джулия послушно встала из-за стола. На кухне правила матери всегда оказывались сильнее дедушкиных морских зако-

нов. Но уходя к себе, она успела заметить, как Борис Петрович тайно подмигнул ей своим старым, мудрым глазом.

В её комнате пахло сухими мандариновыми корками, которые она спрятала пару дней назад в ящике стола. Джулия тихо прикрыла за собой дверь, стараясь, чтобы язычок замка не звякнул, и сразу опустилась на узкую тахту. В гостиной еще бубнили голоса мамы и Игоря Николаевича, но сквозь толстую стену они доносились как глухой, неразборчивый гул, похожий на шум прибоя за портовым молом. Комок в животе постепенно отпускал. Она вытянула ноги и пошевелила пальцами в плотных хб-шных колготках.

На письменном столе, все так же, подперев стопку тетрадей в блеклых зеленых обложках, лежал раскрытый учебник математики для четвертого класса. Будущая контрольная пугала её, но не самими задачами, а той липкой, удушливой тишиной, которая установится в классе, когда строгая Элла Марковна начнет мерить шагами проходы между партами, поскрипывая кожаными туфлями.

Джулия вздохнула, пересела за стол и взяла шариковую ручку. Из открытой форточки потянул прохладный весенний сквозняк, заставив пожелтевший лист календаря на стене тихо зашелестеть. Мысли никак не собирались вокруг школьных формул. Глядя на ровные столбики цифр в учебнике, она невольно вспомнила совсем другие подсчеты — их воскресные ритуалы с бабушкой.

Обычно после школы Борис Петрович поджидал её у во-

рот. Он стоял у растрескавшейся чугунной ограды, заложив руки за спину, в своей тёмно-синей штормовке с потемневшими флотскими пуговицами, на которых упрямо блестели выпуклые якоря. Стоило Джулии подбежать, запыхавшейся, с набитым ранцем за плечами, как дедушка молча совал ей в ладонь прохладную горсть монет — пятьдесят копеек, гривну, две. На мороженое «Каштан» или мятные ириски. Она прятала деньги в карман фартука, тихо шептала: «Спасибо, деда», и они шли домой.

А по выходным, когда дома не было мамы, дедушка доставал с верхней полки серванта толстый блокнот в коленкоровом переплете и огрызок простого карандаша. Это означало, что сейчас начнется их игра «7 из 49» — его собственного изобретения. Борис Петрович садился во главе стола, расправлял усы и говорил, не поднимая глаз:

— Ну что, юнга... проверим, как у нас машина работает? Выдашь правильный расчет?

— Выдам, — серьезно отвечала Джулия и шла за своим карандашом.

Из сорока девяти цифр каждый выбирал семь своих и записывал на отдельном листке. Никаких покупных билетов Спортлото дедушка не признавал, считая государственные лотереи чистым надувательством. За три совпадения Джулия получала из его пенсионного портмоне ровно одну гривну. За четыре числа дедушка веско обещал три гривны. А если бы ей удалось угадать все семь — на кону стоял це-

лый червонец! Огромные деньги в двухтысячном году для школьника. Другие девчонки в классе тратили карманные деньги на заколки со стразами и журналы про поп-звезд, но Джулия всерьёз думала, что если выиграет этот куш, то тайно от мамы купит себе на раскладках у вокзала настоящий складной нож с перламутровой ручкой и маленьким шилом — точно такой же, каким боцман Митрич ловко кромсал на пирсе бычков. Ей казалось, что с таким ножом в кармане она сразу станет по-настоящему взрослой, автономной и защищенной от любых домашних бурь. Но все семь чисел она не угадывала никогда. Джулия подозревала, конечно, что дед возможно как-то хитрит — всё-таки он сам вел записи и сам сверял цифры. Но обвинить его в жульничестве у неё просто язык не поворачивался. Тем более что по одной гривне она выигрывала довольно часто.

— Три совпадения, — объявлял Борис Петрович, сдвигая очки на кончик носа. — Твои взяли, малая. Зазоры сошлись, поршни работают. Сверяй сама, если сомневаешься. В машине ошибки не прощаются — сразу заклинит.

Джулия пересчитывала крестики, кивала, и желтый кругляк монеты ложился в её руку — массивный, весомый. Она зажимала металл в кулаке, чувствуя его плотность, и верила, что в следующий раз точно разгадает железную логику дедовских цифр, словно чертеж сложного судового механизма.

Джулия моргнула, возвращаясь в реальность своей комнаты, и снова посмотрела на раскрытый учебник математики.

Настоящие, живые цифры дедушки ей нравились куда больше бездушных цифр из дробей и таблицы умножения.

Чтобы окончательно прогнать наваждение, она перевела взгляд на угол комнаты, где за старым платяным шкафом, скрытый от чужих глаз широкими складками шторы, стоял тот самый дедушкин морской рундук. Это был огромный, окованный по углам потемневшими латунными полосами ящик из плотного мореного дуба. Борис Петрович привез его со своего самого первого заграничного рейса еще в шестидесятых годах. Рундук казался Джулии невероятно древним, словно он помнил не просто молодость дедушки, а времена пиратов или кругосветных экспедиций. Поверхность дерева была испещрена глубокими забоинами, царапинами и пахла так прочно и въедливо, что этот дух не могли вытравить никакие лавандовые освежители Ларисы Борисовны. Это был чистый запах дальних странствий — смесь машинного масла, горькой соли, сушеной гвоздики и просмоленного каната.

Джулия на коленях подобралась к ящичку, отодвинув в сторону край занавески. По центру рундука висел массивный амбарный замок. Все в доме знали, что ключ от этого замка Борис Петрович всегда носит с собой, на той самой цепочке рядом с карманной «Молнией». Но сегодня, из-за суеты с обедом и маминых криков, дедушка, кажется, совершил невиданную оплошность. Железная дужка замка была лишь вставлена в петлю, но не защелкнута до конца.

У Джулии перехватило дыхание, а сердце заколотилось у самых ключиц. Она оглянулась на закрытую дверь — из гостиной доносился лишь монотонные звуки, мама мыла посуду. Осторожно, едва дыша, Джулия протянула пальцы к холодному металлу и потянула замок вниз. Он поддался без единого звука, послушно оставшись у неё в ладони. Она уперлась ладонями в массивную дубовую крышку и с усилием потянула её вверх. Дерево не закрипело — дедушка регулярно смазывал петли солидолом, — но из недр рундука на неё пахнуло прохладным, концентрированным ароматом чужой, скрытой от всех жизни.

Сверху лежала парадная флотская китель-тужурка с золотыми пуговицами, на которых были выбиты рельефные якоря. Ткань была такой плотной и жесткой, что, казалось, могла стоять сама по себе. Джулия осторожно провела ладонью по золотому шитью на рукаве — канитель колола пальцы. Под кителем обнаружилась стопка плотных, пожелтевших от времени морских карт. Джулия вытащила одну из них, аккуратно развернув на полу. Это была карта Филиппинского моря, датированная 1974 годом. Она была изрисована различными пометками, непонятными цифрами и стрелочками на полях: «Шквал 8 баллов», «Жара +40», «Встретили китов».

На самом дне рундука, завернутый в кусок старой фланелевой тряпки, лежал крупный, массивный прибор из черного вороненого металла. Джулия бережно развернула ткань. Это был трофейный немецкий бинокль «Carl Zeiss» с кожаным

ремешком, потертым до белизны на сгибах. Прибор весил прилично, и её детские руки слегка задрожали под его весом.

Она поднесла окуляры к глазам и посмотрела в сторону окна. Мир внутри линз мгновенно изменился. Он стал невероятно резким, ярким, словно солнце на улице включили на полную мощность. Джулия навела бинокль на противоположное крыло их двора-колодца. Теперь она видела до мельчайших подробностей жизнь соседей: вот на третьем этаже старый сухощавый портной дядя Изя, зажав губами три серебряные булавки, ожесточенно утюжит огромным черным утюгом шерстяные брюки, и над брезентовой подкладкой поднимается едва заметный сизый парок. Чуть ниже, на балконе второго этажа, в круглой клетке яростно чистила перья маленькая желтая канарейка, и Джулия могла разглядеть даже её черные глаза-бусинки.

В этот момент половица за дверью тихо скрипнула. Джулия похолодела. Дверная ручка медленно, со знакомым сухим щелчком поползла вниз. Джулия не успела ни завернуть бинокль во фланель, ни сдвинуть дубовую крышку — она так и осталась сидеть на полу посреди развернутой Филиппинской карты, прижав бинокль к груди.

В комнату вошел Борис Петрович. Он уже снял свой пиджак, оставшись в застиранной вельветовой рубашке с засученными по локоть рукавами. Его огромные руки, покрытые густым слоем седых волос и старыми татуировками в виде поблекших синих якорей, сразу показались Джулии какими-

ми-то запредельно большими в пространстве её маленькой комнаты. Дедушка остановился у порога, заложив руки за спину, и молча окинул взглядом разгром.

Джулия сжалась, ожидая, что сейчас из коридора прибежит мама, поднимется крик про испорченный паркет, про дедушкины секреты и про то, что девчонке не место в мужских вещах. Она зажмурилась, приготовившись к худшему. Однако дедушка не закричал. Он лишь шумно выпустил воздух через усы, отчего те смешно качнулись, и сделал два неторопливых шага вперед. Половицы в этот раз под его массивными ступнями даже не пискнули — иногда он умел ходить по дому на удивление бесшумно, как ходят кошачьим шагом старые боцманы по качающейся палубе ночного судна.

— Ну и что мы тут высматриваем? — негромко спросил он, присаживаясь прямо на край её тахты. Старые пружины под его весом отозвались коротким металлическим стоном.

— Деда, я нечаянно... — прошептала Джулия, опуская голову так низко, что кончики её русых косичек коснулись синей глади Филиппинского моря на карте. — Замок просто сам открылся. Он не был защелкнут. Я только посмотреть хотела.

Борис Петрович протянул руку, аккуратно забрал у неё из пальцев массивный бинокль и поднес его к своим глазам, устремив взгляд в окно, на противоположную стену двора.

— А, Изя стекло протирает... — протянул он, убирая при-

бор от лица. — Немецкая оптика, Джулька. Семьдесят лет стеклышкам, а кажут лучше, чем любой нынешний телевизор. Я этот бинокль в пятьдесят девятом у одного портового агента в Ростове выменял на четыре банки американской тушенки и несколько пачек папирос. Тот немец плакал, отдавать не хотел, отцовская вещь была. Но всё-таки сошлись.

Дедушка бережно положил бинокль на колени и провел пальцем по латунной оковке рундука. В его взгляде не было злости — скорее, какая-то давняя, запылившаяся усталость, которую он никогда не показывал Ларисе или Игорю на кухне.

— Ты карту-то не мни, — заметил он, кивнув на бумажный лист под её коленями. — Это тебе не фантик от конфеты «Мишка на севере». Это семьдесят четвертый год, переход из Владивостока в Сингапур. Мы тогда на сухогрузе «Иван Кожедуб» везли три тысячи тонн уральского проката. В районе Тайваня у нас левый дизель встал, поршень прогорел к чертям, а со стороны океана пер такой циклон, что волна шла выше капитанского мостика. Нас трое суток таскало как щепку по этой самой синеве, что у тебя под ногами.

Джулия приоткрыла рот, мгновенно забыв про страх наказания. Она пересела поближе к тахте, коснувшись плечом дедушкиного колена, от которого пахло домашним борщом вперемешку с табачным дымом.

— И как вы спаслись, деда? — спросила она, во все глаза глядя на его суровое лицо.

— А как спасаются? Руками, — Борис Петрович коротко хмыкнул в усы. — Капитан тогда хотел на мель выбрасываться, кричал, что судно потеряем, людей погубим. А я ему говорю: «Погоди, Михалыч, не суетись на мостике. Дай мне три часа в машине, мы этот поршень вручную переберем». Спустились мы с механиками вниз. А там, Джулька, жарница под шестьдесят градусов, масло кипящее из картера бьет, дышать нечем, железо вокруг ходуном ходит, аж зубы крошатся. Мы себе рот мокрыми тряпками обвязали, чтоб легкие не сжечь, и полезли в цилиндр. Три часа без перерыва гайки крутили размером с твою голову. Руки в кровь сбили, шкуры на ладонях не осталось, но дизель завели. Вышли из шторма своим ходом. Капитан мне тогда по приходу в порт ящик армянского коньяка выставил, да только я его мужикам в машине отдал — они больше заслужили.

Дедушка замолчал, и в комнате снова повисла мирная, теплая тишина, прерываемая лишь далеким тиканьем ходиков из прихожей. Джулия смотрела на его огромные ладони и вдруг поняла, почему он так презирает папины бумажные отчеты и мамины накрахмаленные салфетки. Для дедушки весь этот домашний мир с чистыми коврами и правильными часами был слишком тесным, ненастоящим, придуманным для тех, кто никогда не видел, как черная океанская вода заливает палубу по самые поручни.

— Ладно, юнга, — Борис Петрович поднялся с тахты, аккуратно взял бинокль и завернул его обратно во фланелевую

тряпку. — Посмотрела — и будет. Закрываем лавочку, пока Лариса со своей инспекцией не пришла. Карту аккуратно сверни в рулон, только углы не заламывай. И замок на место повесь. Будем считать, что это наш маленький секрет. Уяснила?

— Уяснила, деда, — счастливо улыбнулась Джулия, быстро вскакивая на ноги.

Она ловко, стараясь подражать дедушкиным точным движениям, свернула плотный лист Филиппинского моря, спрятала его под суконный китель и аккуратно опустила дубовую крышку рундука. Стальной замок со щелчком встал на место.

— Ну всё, пойду готовиться ко сну.

Дедушка подмигнул внучке, бесшумно повернулся и вышел из комнаты, оставив после себя шлейф крепкого морского спокойствия, против которого были бессильны любые домашние бури.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.